

РОМАНОВСКИЙ

Воля к жизни

Петр Арсеньевич Романовский (1892 — 1964) был одним из немногих шахматистов, которые еще в дореволюционные годы достигли высокого мастерского класса. Справедливости ради надо вспомнить еще имена Григория Яковлевича Левенфиша и Ильи Леонтьевича Рабиновича. Все они петербуржцы. Конечно, они уступали Алехину и Боголюбову, однако последних судьба увела в эмиграцию. Петр Арсеньевич смело может быть назван одним из основателей советской шахматной школы.

Я еще только-только познакомился с шахматами, когда мне попала толстая книга — «VII Всесоюзный шахматный турнир». Кроме партий с комментариями, там были и кое-какие материалы, касающиеся организации турнира, и прочее. В публикации одного из протоколов было отмечено, что Романовский вел себя недисциплинированно, противопоставлял себя Оргкомитету вместо того, чтобы безоговорочно подчиняться. И вот такая резолюция: «На основании изложенного съезд постановляет: 1) Признать неудовлетворительным объяснительное письмо тов. Романовского и по форме и по существу. 2) Исключить Романовского из финального соревнования. 3) Принимая во внимание его прошлые заслуги, ограничиться наложением на него взыскания в виде дисквалификации на один год». (Упомянутая книга, стр. 64).

Такая вот воспитательная мера была применена к ведущему мастеру во вполне зрелом возрасте, но не склонному к духу единомыслия.

Там же сказано, что мастера Готгильфа за довольно нахальное требование предоставить ему жилье на время турнира не в общежитии, как всем, а отдельное, дисквалифицировать вообще, навсегда.

1931 год... «Знать, эпоха вещь серьезная/ Призадуматься велит» — сказал поэт.

В живую я увидел Петра Арсеньевича за игрой во II Международном турнире в Москве. Тогда в бюллетене, посвященном турниру, появи-

лась «ода», шуточные стихи, где обыгрывалось «сражение» Петра со шведом. «Отсель грозить мы будем шведу/ Теснить его со всех сторон/ Пока не выкуем победу». Петр Арсеньевич выиграл у шведского гроссмейстера Гидеона Штальберга.

Личное знакомство произошло в стенах Юридического института, куда я был возвращен по соответствующему акту Государственного Комитета Обороны (был такой очень властный орган во время Отечественной войны). Этот акт изменил судьбу старшекурсников, прервавших учебу во время войны.

Петр Арсеньевич был членом спортобщества, к которому относился и Юридический институт. Вот ему и поручили курировать, так сказать, шахматный кружок.

П.А. (так его называли за глаза многие шахматисты) было уже за пятьдесят, ходил он, опираясь на массивную трость, роста был среднего, коренаст, слегка грассировал. В ту пору я не понимал глубокого смысла ходячего выражения, что глаза — это зеркало души. Однако много позднее кое-что до меня дошло, и я позволю себе утверждать, что взгляд его, глаза, были незаурядными. Я знал, что П.А. пережил ленинградскую блокаду, потерял семью, но к этому вернемся позднее. Жил П.А. на улице Грановского, неподалеку от Института, что находился близ Консерватории на улице Герцена. В наши дни новые демократы поставили Герцена, Грановского, Огарева, Белинского на свои места, а улицам были возвращены их заслуженные имена — Большая Никитская, Романов переулок и т.д.

П.А., как известно, был выдающимся шахматным педагогом, тренером, однако состав кружка не вызвал у него творческого вдохновения. Он корректно беседовал со студентами, но не более. Я в Институте был на роли местного Капабланки, и в процессе беседы упомянул фамилии известных московских шахматистов, моих сверстни-

ков. Эти имена он знал, а о моей персоне понятия не имел. Мне показалось, что П.А. заподозрил меня в попытке самоутвердиться.

Визиты мэтра прекратились так же неожиданно, как и начались. Позднее я узнал, что П.А. бескорыстно занимался у себя дома с молодыми, подающими надежды шахматистами, давал им задания и т.д.

Практическая сила игры П.А. оставалась высокой. Мне довелось наблюдать его в полуфинале чемпионата СССР в 1945 году и в 1948-м в турнире памяти Рюмина. Класс его был очевиден.

Прошло некоторое время, и я, возвратясь в Москву после двух лет работы в Риге адвокатом, оказался членом Московской городской коллегии адвокатов. Случилось так, что юридическая помощь понадобилась одному родственнику, а может быть, родственнику П.А. Дело этого молодого человека оказалось простеньким. Он как-то не слишком удачно женился, затем развелся, возник спор из-за жилплощади. Суд первой инстанции решил дело не в его пользу, хотя, как позже оказалось, напрасно. Но молодой человек впал в панику, не подал своевременно кассационную жалобу. Я смастерил заявление о восстановлении кассационного срока, срок восстановили и в итоге правда восторжествовала. П.А. меня поблагодарил, а вскоре, как мне показалось, оказал внимание.

Дело в том, что П.А. активно участвовал в работе представительных шахматных органов, был членом высшей квалификационной комиссии и слыл справедливым, но очень строгим. Про него ходил такой анекдот: приглашают П.А. по телефону на заседание какого-то важного шахматного органа. Он отвечает, что чувствует себя плохо и явиться ему трудно. Потом спрашивает, какой вопрос будут разбирать. Отвечают, что вопрос стоит о дисквалификации какого-то шахматиста.

— О дисквалификации? Тогда приду обязательно!

Однажды в квалификационном турнире на звание мастера победил Г.С. Фридштейн. П.А. поручили просмотреть его партии и дать заключение об уровне игры. П.А. отработал чрезвычайно обстоятельно. Целая тетрадь была посвящена разбору партий, строгой критике, но в конце мэтр справедливо заключил, что соискатель достоин звания мастера.

В ту пору звание мастера присваивали довольно редко и с этими делами имели обыкновение не спешить.

Настал момент, когда квалификационная комиссия стала решать и мой вопрос. Прошел он довольно быстро, никто моему, с позволения сказать, творчеству тетрадок не посвящал. П.А. благословил. Я не был достаточно раскован (а может быть, нахален), чтобы спросить его, что ему больше понравилось — мои партии или то достопамятное заявление о восстановлении кассационного срока и кассационная жалоба.

Время шло, я покинул адвокатуру и стал редактором шахматных книг в издательстве «Физкультура и спорт». В то время из адвокатуры подобру-поздорову уходили не часто. Помню старший коллега старался меня просветить, что уходить нельзя, профессия замечательная, в большой степени являешься хозяином своего времени, говорил мне комплименты, касался материальной стороны профессии. Вообще некоторые очень солидные адвокаты не обделяли меня своим вниманием, я подозревал, что из-за мастерского значка. На всю московскую коллегию он был один. Но вот материальная сторона была осложненной. За ведение дел была установлена такса. Клиент вносил деньги в консультацию, часть шла на нужды коллегии, а еще процветал так называемый «микст», то есть, как говорили знатоки латыни, смешанная форма оплаты, а попросту — клиент давал адвокату дополнительно прямым. Хороший адвокат, популярный получает прилично. Вроде бы приятно, полезно, но наказуемо по социалистическим законам и в какой-то мере противно. А в издательстве со значками люди работали. За значок к зарплате добавляли сотню. Стало быть, не 1200, а 1300. Это еще до того, как Н.С. Хрущев отбросил один ноль. А тут еще любовь к шахматам и одобрение семьи. Так я и стал редактором.

П.А. был продуктивным шахматным литератором. Еще в 1929 году была издана его книга «Миттельшпиль. Комбинация и план в шахматной партии», высоко ценимая шахматистами. В пятидесятых годах П.А. вернулся к этой теме и решил подготовить новое издание в двух томах, с учетом опыта прошедших десятилетий.

Гранки будущих книг авторы обычно брали в издательстве сами. П.А. как особо уважаемому относили домой. Благо издательство находилось неподалеку. Однажды редактор мне говорит, что гранки отнести не может. Я в ту пору исполнял обязанности зав. редакцией и рекомендовал попросить П.А. прислать за гранками кого-нибудь, ведь задерживать их не полагается. Редактор отвечает, что

уже просил, но П.А. отказался — некого послать. Будучи при исполнении и ощущая некоторую потребность генерировать остроты, я говорю редактору:

— Позвони и скажи: пусть за гранками пришлет Дину!

Дело в том, что будучи дома у П.А. по делу, я узнал, что большую немецкую овчарку, тихо лежащую у входа в комнату, зовут Дина. Эта самая Дина внимательно наблюдала за гостем.

Каким-то образом гранки попали куда надо. Мне показалось, что П.А. стал со мной общаться посуровее. Вероятно, кто-то сболтнул про мою «остроту». Во всяком случае книжки с его автографом в моей библиотеке нет.

Известное время спустя я был составителем «Шахматного ежегодника». В нем, как и в любой шахматной книжке, были опечатки. Быть может, выше средней нормы. И вот доброжелатели мне передали, что П.А. обратил на это внимание и даже заметил, что в одном месте вариант голландской защиты назван не каменная стена, а каменная спина! Это сообщение меня взволновало, и я пролистал всю толстую книжку. Правда, спины не обнаружил.

Однажды П.А. поразил меня, показав свои неизданные рукописи. Он начинал писать книгу, когда созрел замысел, не заботясь о предварительном заключении договора о «проталкивании» издания. Процесс работы был для него всем. Он, несомненно, был, как теперь говорят, трудоголиком. Как я уже упомянул, он был очень строг в квалификационных вопросах, однако сам не проявлял ни малейшей инициативы, чтобы получить звание гроссмейстера, не проявлял признаков честолюбия. Нельзя сказать, что его скромность не была вознаграждена. П.А. был первым среди советских шахматистов, удостоенных звания заслуженного мастера спорта СССР, а также заслуженного тренера СССР. Его учениками в ленинградский период были талантливые мастера Алаторцев, Лисицын, Равинский, Савицкий, Чеховер и другие.

Биографические заметки о П.А. гласят, что образование он получал в реальном училище, профессию имел в области финансов, между тем душа его парила. Он наслаждался красотой шахмат, их логикой. Восхищался произведениями современных и старых мастеров. Как-то он показал мне старинную партию, где в миттельшпиле три черные пешки достигли вто-

рой горизонтали белых! Эта редкостная картина его восхищала, глаза сияли.

В 1959 году вышла небольшая брошюра с названием, говорящим об авторе: «Романтизм в шахматном искусстве».

Условия, в которых трудился П.А. в Москве, были весьма скромны, что в те годы было скорее правилом, чем исключением. Большая комната в коммунальной квартире в доме с высокими потолками, построенном еще до революции, была перегорожена мебелью так, что длинная узкая полоса представляла собой своего рода кабинет П.А. Над большим письменным столом, стоявшим вплотную перед перегородкой, висели три портретика: гениальный Пушкин, гениальный шахматист Алехин и... великолепная актриса и женщина с большой буквы — Нонна Мордюкова. Вероятно, портреты вдохновляли его.

Я не был близко знаком с Петром Арсеньевичем и лишь из литературы узнал после его смерти, что еще до войны он страдал сердечной болезнью. Я знал, что он потерял семью во время ленинградской блокады, но также с большим опозданием узнал леденящие душу подробности, как он, вдовец, терял своих четырех дочерей...

Уму непостижимо, как мог больной, стоящий на грани голодной смерти человек, видя страшную гибель своих близких, находить в себе силы продолжать работать, писать, анализировать.

Петра Арсеньевича вывезли из Ленинграда, он выжил. И его интеллект не был сокрушен. Трудно представить себе предел человеческих возможностей.

Испанская партия

П. Романовский — К. Торре

Международный турнир
Москва 1925

1.e4 e5 2. ♖f3 ♗c6 3. ♘b5 a6 4. ♘a4
 ♗f6 5. 0-0 ♘e7 6. ♙e1 b5 7. ♘b3 0-0
 8.a4.

Интересен комментарий П.А. Романовского к этому ходу. Он полагал, что на 8.c3 Торре изберет атаку Маршалла — 8...d5 и т.д., в то время еще мало исследованную.

«Мастер Карлос Торре, имея 8,5 очка из 12 сыгранных партий, был тогда одним из лидеров турнира. В предыдущем туре он, осуществив красивую комбинацию, нанес поражение Эм.Ласкеру и вообще творчески проявил себя как весьма предприимчивый и изобретательный шахматист» (П. А. Романовский «Избранные партии», Москва 1954).

После партии Торре сказал Романовскому, что продолжение 8.a4 было для него неожиданным.

8...b4 9.d4 d6 10.h3 ♘:d4
 11. ♘:d4 ed 12. ♙:d4 c5 (?) 13. ♙d3
 ♘b7 14. ♘d2 ♙e8 15. ♗f3 ♘f8.

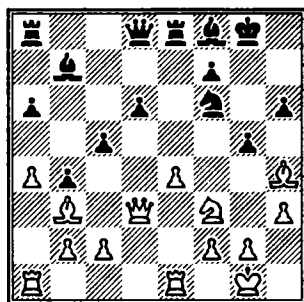
Торре недооценил тактические возможности белых.

П. Романовский указывает, что после 15...d5 16.ed ♘:d5 17. ♘f4 ♘:b3 18. ♙:b3 ♙d5 19. ♙ad1 ♙:b3 20.cb позиция белых лучше, но черные могли стойко обороняться.

16. ♘g5 h6 17. ♘h4 g5.

Торре не опасался жертвы фигуры путем 18. ♘:g5 hg 19. ♘:g5

♘g7 и далее, если 20. ♙g3, то 20... ♙e7 21. ♘h6 ♙f8. Но его подстерегла неожиданность.

18.e5! d5.

Торре не предвидел этого выпада. Грозил убийственный шах 19. ♙g6. После хода черных они попадают под сокрушительную атаку. Следовало отдать пешку путем 18...c4 19. ♘:c4 d5 20. ♘b3 ♘e4.

19. ♘:g5! hg 20. ♘:g5 c4 21. ♙f3!

Точное продолжение атаки. На 21. ♙g3 последовало бы 21... ♘h5. 21... ♘e4.

На 21...cb решало 22. ♘:f6 ♙d7 23. ♙h5 ♘g7 и 24. ♙g5 с матом.

22. ♘:d8 ♙a:d8 23. ♙:e4!

Лишая черных последних иллюзий.

23...de 24. ♙g3+ ♘g7 25. ♘:c4 ♙:e5 26. ♙e1.

Здесь пора было сдаваться, но Торре по инерции продолжил...

26... ♙d2 27. ♘:f7+ ♘f8 28. ♙f4 e3 29. ♙:e3 ♙:e3 30. fe ♘e7 31. ♙:b4+. Черные сдались.

П. А. Романовский во главу угла ставил стратегию, однако был силен и в тактике.